

Рецензия д. филол. наук, проф. Н. А. Богомолова
(Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8))

Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева; Компьютерная база Словаря – Ж.Г. Аношкина. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. I. А – В. 896 с. Тираж 1000 экз. (Studia philological). То же. 2003. Т. II. Г – Ж. 800 с.

Чем дальше, тем больше две главные отрасли филологической науки – лингвистика и литературоведение – специализируются и тем самым отдаляются друг от друга. В обычной своей практической деятельности литературоведы все реже обращаются к новейшим работам лингвистов и, наоборот, языковеды предпочитают обходиться без достижений исследователей литературы. Конечно, можно привести и показательные исключения, но это скорее частности, а не общая закономерность.

Лишь в нескольких сферах нашей науки органическое соединение лингвистики и литературоведения продолжает оставаться неизбежным для всякого, кто претендует на научность своих работ. Для изучающих литературу – это стиховедение, а для лингвистов – исследования в области художественной речи. Именно к последней принадлежит начатый изданием словарь, ставший предметом внимания автора рецензии. При этом следует заметить, что наш взгляд определен позицией литературоведа, использующего достижения лингвистической науки в собственных целях. И для их достижения крайне важно, чтобы труд коллег был максимально надежен, чтобы на него можно было опереться без боязни впасть в то или иное заблуждение. Одновременно он должен давать возможность проверить свои интуитивные наблюдения фактическим материалом, исчерпание которого невозможно без использования компьютерных технологий, неизбежно влекущих за собою формализацию. Для литературоведа (да в конечном

счете и для лингвиста) формализация обязательно должна быть скорректирована контекстом, начиная от самого элементарного, на уровне словосочетания, до максимально возможного – контекста эпохи или контекста общекультурного.

«Словарь языка русской поэзии XX века» представляет собою немаловажный шаг на пути к созданию того общего поля, на котором филология естественно возвращается к своим истокам. Приблизительные и вкусовые суждения исследователей литературы, формальные подсчеты и базирующиеся на них выводы языковедов теперь легко могут быть подтверждены или опровергнуты фактами.

Наиболее существенной заслугой словаря является определенная в ряде работ его составителей (прежде всего ответственного редактора В.П. Григорьева) и в предисловии ориентация на создание своеобразной лингвистической энциклопедии русской поэзии XX века, пока еще ограниченной по масштабам всего лишь десятью поэтами, но уже рассчитанной на то, что в дальнейшем ее можно будет расширять до любых необходимых пределов. Эта направленность определяется не только принципами контекстуального (причем не равномерно контекстуального, а определяемого необходимостью) представления каждого слова, но и тем, что слова вписываются в контексты, как правило, не используемые авторами иных словарей. Так, уже в «Предисловии» и статье «Как пользоваться словарем» мы находим примеры именно таких «неформальных» контекстов: отмечается рифменная позиция слова, а в необходимых случаях указывается и то, с чем оно рифмуется; даются указания на «чужую речь» (хотя это заслуживает специального обсуждения); в словарные статьи выводятся прямо не произнесенные в тексте слова (складывающиеся из первых букв акrostихов, имена собственные, заданные описательно, и пр.); толкуются иронические, переносные, каламбурные задания и значения

слов.

Таким образом, словарь – и об этом также сказано в предисловии – оказывается двунаправленным: толкуя поэтическую речь, он в то же время обогащает и общие словари русского языка, показывая, как литература (поэзия в частности) преобразует лексические возможности языка.

Не так уж трудно представить себе любителя поэзии, читающего отдельные статьи этого словаря, чтобы проверить себя и свои знания, лучше понять возможности, использованные или упущенные интересующим его поэтом. Но в то же время специалисту в области поэзии словарь даст немало. Приведем лишь один пример из собственной практики: интуитивно чувствовалось, что слово *дали* (им. п. мн. ч.) характерно для языка Блока. Но до появления второго тома словаря проверка этого утверждения была бы практически невозможной, тогда как после его выхода она уложилась примерно в сорок минут работы. Поиск цитат, неточно запомненных строк, справки о частоте и хронологической прикреплённости словоупотреблений – все то, с чем так часто приходится сталкиваться, теперь стало значительно проще, а иногда и впервые возможно.

Сказанное заставляет отнести словарь к категории изданий несомненно востребованных по крайней мере филологической наукой и в силу этого рекомендовать его к использованию.

Вместе с тем любой человек, обращающийся к такого рода изданию, должен понимать, что он может там найти, а чего – нет, и какие трудности могут его ожидать в работе. Конечно, внимательно изучить 1700 страниц двух томов и помещённые в них без малого 12 тысяч статей возможно лишь при многолетнем постоянном чтении, однако некоторые моменты, как кажется, отметить нужно.

Прежде всего это относится к списку поэтов. В словаре расписаны

сочинения десяти русских поэтов XX века: И.Ф. Анненского, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, С.А. Есенина, М.А. Кузмина, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, В.В. Хлебникова и М.И. Цветаевой. Конечно, смешно было бы предлагать вычеркнуть из этого списка кого-либо, но вот приходится пожалеть о том, что явно недостаточно представлен русский символизм, который был фактическим началом всей русской поэзии XX века, и чем внимательнее читаешь ее, тем больше замечаешь отголосков поэтов-символистов, иногда случайных, на уровне общих мест, а чаще рассчитанных. Заложённая в основание словаря идея единства русской поэтической культуры получила бы более полное воплощение, будь в словаре представлены хотя бы В. Брюсов и З. Гиппиус.

Самый, пожалуй, серьезный упрек составителям словаря должен быть выдвинут со стороны текстологической. Увы, один из наиболее существенных для филологии аспектов представления любого писателя оказывается недостаточно продуманным. Хотя в предисловии В.П. Григорьев и произносит совершенно справедливые слова о «драматической истории изучения того, что называют по-разному: модернизмом, авангардом и Серебряным веком» (с. 4), но уроки этой драматической истории учтены лишь частично.

Те издания Анненского, Блока, Кузмина, Пастернака (с учетом опечатки в библиографическом описании: речь идет о собрании сочинений не в четырех, а в пяти томах), Хлебникова и Цветаевой, которые выбрали составители для работы, можно признать неизбежными для времени, когда словарь составлялся. Но объяснить, почему использовалось совершенно случайное издание Маяковского, подвергшийся цензуре советского времени двухтомник Ахматовой, давно устаревшее собрание сочинений Есенина, испорченный опечатками двухтомник Мандельштама – нелегко. В итоге это привело

не только к основательной неполноте сведений о словоупотреблениях, но и к смешным моментам, когда от словарного слова *говно* («Во весь голос» Маяковского) находим отсылку к прюдническому и поэту не принадлежащему сокращению «г...»).

Но есть и еще одна текстологическая проблема, которая заслуживает пристального внимания. Как известно, многие поэты были склонны коренным образом перерабатывать свои стихи. Так, во всех основных изданиях Пастернака его ранние сборники печатаются в редакциях, созданных много лет спустя после первого появления стихов в печати. Ориентированный на окончательный текст собрания сочинений, словарь и фиксирует исключительно эти употребления, не принимая во внимание, скажем *ветки* вместо *деревьев* в первом же стихотворении, открывающем корпус текстов. А между тем подобные случаи должны были бы быть учтены и откомментированы как-нибудь вроде: «...с *деревьев* тысячи грачей» [в ред. 1912 – «...на ветках тысячи грачей»]. Без этого подсчеты делаются заведомо неточными, а представление об эволюции поэта искажается. Намного или нет – вопрос другой, но искажается. Между тем с особенной остротой должен быть осознан этот вопрос, если иметь в виду продолжение работы над словарем, когда его придется решать в связи с ранними редакциями стихотворений Брюсова и Гумилева, Андрея Белого и Заболоцкого, Сельвинского и Антокольского...

Обсуждения заслуживает (и вероятно, уже обсуждалась) проблема подачи слова. Должно ли оно быть представлено в своей начальной форме или же в той, в какой оно употреблено в тексте? В нынешнем виде выбран первый вариант. Но следует отдавать себе отчет, что и у того, и у другого варианта есть свои преимущества и недостатки, которые видны довольно отчетливо. С нашей точки зрения удобнее для пользователя и логичнее второй вариант. Во-первых, во многих случаях

это облегчит поиски (в уже приведенном выше примере со словом *дали* нам для подсчетов пришлось внимательно изучить пять с лишним страниц большого формата, фиксирующие все падежные формы слова *даль*, тогда как при варианте ином времени тратилось бы несравненно меньше). А во-вторых, – и это, может быть, даже существеннее – словарь избавился бы от слов, которых реально в русском языке и даже в поэзии нет. Так, в первом томе находим слово *Авроров*, произведенное составителями от ненормативного словообразования Маяковского: *бабахнула шестидюймовка Авророва, туша Авророва*. Понятно, что мужской род для поэта здесь невозможен, но принцип оказался важнее смысла. Или: можно ли от сочетания *вольтова душа* образовать прилагательное *вольтов*?

Иногда желание максимально прояснить реалии текста вызывает некоторое сомнение. Например, вряд ли кто из читателей мандельштамовского шедевра «Жил Александр Герцевич...» (в других изданиях – «Герцович») понимает его героя, *еврейского музыканта*, как некую конкретную личность. И нерушимое прикрепление персонажа стихотворения к А.Г. Айзенштадту, пусть даже комментаторы уверены в том, что именно его имя и отчество были использованы поэтов, меняет весь модус чтения.

Однако закончить рецензию хотелось бы все-таки утверждением, что все эти рассуждения могут быть осмыслены не как фиксация недостатков, а как утверждение, что словарь дает весьма плодотворную почву для обсуждения многих проблем, без него не столь очевидных. Филологически ориентированная мысль найдет на его страницах, в его осознанных формулировках и произвольных сопоставлениях много оснований для нетривиальных выводов, способных подтолкнуть науку к дальнейшему развитию.